

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. М. РЕМЕННИКОВ, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке, «Причерноморье в античную эпоху» (под редакцией проф. В. Н. Дьякова), VI, М., Изд-во АН СССР, 1954, 146 стр. + карта, тираж 5000 экз., цена 6 р. 60 к.

В римской истории период III века принадлежит к числу наиболее важных и интересных. Между тем в нашей историографии он является, пожалуй, наименее исследованным. В этом отношении рассматриваемый в рецензируемой монографии вопрос о борьбе причерноморских и прикарпатских племен с Римской империей в III в. чрезвычайно важен не только для выяснения общей проблемы взаимоотношений Рима с варварской периферией, но и для характеристики всего периода в целом, которым начинается постепенное крушение Римской империи.

Известно, сколь тенденциозна буржуазная историография в суждении о войнах III века. Достаточно сослаться на исследование Б. Раппарта, который отвел готам ведущую роль не только в борьбе с империей в этот период, но и в судьбах самого варварского мира, в частности в судьбах народов тех стран, где впоследствии поселились готы. Критически пересматривая наследие буржуазной науки по этому вопросу, А. М. Ременников построил свое исследование целиком на источниках, что является несомненным достоинством его работы, хотя то, что он пользуется преимущественно литературными источниками и иногда упускает из виду современные исследования по отдельным проблемам рассматриваемого периода, не всегда дает ему возможность всесторонне подойти к решению отдельных вопросов.

А. М. Ременников рассматривает действительные причины, побудившие варваров к активному выступлению против Рима в это время, определяет племена и коалиции племен, принимавших участие в войнах с Римом, и выясняет, каким именно племенам в тот или иной период кризиса III века принадлежала в действительности главная роль в борьбе с Римской империей. Автор убедительно устанавливает даты отдельных походов, определяет их направление и выясняет роль отдельных племен в том или ином походе, а также дает, впрочем довольно бегло и схематично, общую картину состояния Римской империи в этот период, когда она находилась в крайне тяжелом положении как вследствие наступления пограничных племен, так и в результате крайнего обострения социальных противоречий внутри государства. А. М. Ременников правильно устанавливает, что в первый период (232—250 гг. н. э.) борьбы варварских племен с Римом основная роль в этой борьбе принадлежала племенам карпато-дунайского бассейна: сарматам-язигам, свободным дакам и главным образом карпам и что лишь с 250 г. в активную борьбу с Римом включаются готы. Вступление в войны с Римом готов, как это устанавливает автор, опираясь на данные источников, однако, вовсе не исключало активного участия в дальнейших войнах также и карпов. В борьбе варваров с Римом (автор рассматривает время с 232 по 271 г.) А. М. Ременников намечает известные этапы, что дает ему возможность представить эту борьбу в развитии и проследить постепенный рост напора пограничных племен на римские рубежи. А. М. Ременников отмечает при этом и ту роль, которую играли в этой борьбе племена и народности, населявшие в древности южные и юго-западные области нашей страны.

Вместе с тем в отдельных своих положениях рецензируемая работа не лишена недостатков.

Определяя этническую принадлежность и размещение племен Северного Причерноморья, обитавших в III в. в областях между Дунаем и нижним течением Дона, А. М. Ременников использует сведения Птолемея. Известно, однако, что именно об этих областях Птолемей был недостаточно осведомлен, что отмечает и автор; к тому же сведения Птолемея отделены от рассматриваемого времени значительным промежутком. Действительно, Птолемей, современник Антонина Пия и Марка Аврелия, жил примерно на сто лет раньше войн времен Деция и Галлиена. К тому же он опирался, в основном, на источники как начала II века (Марин Тирский и т. д.), так и более ранние, причем разномерные сведения некритически соединяются у него в единую картину, достаточно пеструю по своему хронологическому составу. Во всяком случае сведения, сообщаемые Птолемеем, не всегда соответствуют рассматриваемому А. М. Ременниковым периоду и по большей части предшествуют времени Маркоманских войн, вследствие чего этническая карта, даваемая А. М. Ременниковым, в значительной мере остается условной и схематичной, а в отдельных случаях, на мой взгляд, и не совсем правильной. Сведения Птолемея для III века должны были быть дополнены, а в отдельных случаях тщательно проверены и исправлены на основании сведений других источников, современных III веку или хронологически более близких этому времени.

Так, А. М. Ременников считает, что одним из значительных племен Северного Причерноморья в III в. были роксоланы, которые некогда действительно жили между Днестром и Доном, затем постепенно продвинулись, как пишет автор, к северо-западным пределам (стр. 9—10). Помимо того, что само по себе это выражение, запимствованное, видимо, из Иордана, весьма неопределенно, следует заметить, что эти северо-западные пределы могут быть локализованы более точно. Роксоланы, как свидетельствуют источники более поздние, чем Птолемей, а косвенно и более ранние, обитали на восточных границах Дакии, именно за рекой Аллютой (Олтом). Здесь их помещает Иордан (Get, XII 74), когда он говорит о границах древней Дакии (древней — в отличие от позднеримских провинций *Dacia Ripensis* и *Dacia Mediterranea* на правом берегу Дуная):... *tunc ab oriente Aroxolani, ab occasu Jazyges, a septentrione Sarmatae et Basternae, a meridie* [вместо *meridie*; *ae* вместо *e* — ошибка частая у Иордана] *amnis Danubii terminabant. nam Jazyges ad Aroxolanis Aluta tantum fluvio segregantur* «... тогда с востока ее ограничивали ароксоланы, с запада — язиги, с севера — сарматы и бастерны, с юга — река Данубий. Ибо язиги отделяются от ароксоланов только рекой Аллютой»¹.

Свидетельство SHA также подтверждает эту локализацию роксолан. Так, в биографии Адриана, приписываемой Спартиану, говорится, что при Адриане на дунайской границе имели место серьезные конфликты с сарматами и роксолавами, причем римляне уже раньше выплачивали роксолавам дань, за которую последние, видимо, обязались не переступать границ империи (SHA, Hadr., VI, 6—8): *audito dein tumultu Sarmatarum et Roxalanorum praemisissis exercitibus Moesiam petit. Marcium Turbonem post Mauretanium praefecturae infulis ornatum Pannoniae Daciaeque ad tempus praefecit. cum rege Roxalanorum, qui de imminutis stipendiis querebatur, cognito negotio, pacem composuit* «когда затем пришло известие о беспорядках, вызванных сарматами

¹ Некоторые сомнения вызывает последнее предложение: получается, что язиги жили на территории самой провинции Дакии. Возможно, однако, что в данном предложении, в отличие от предыдущего, Иордан имеет в виду современное ему положение; характерно, что если в предыдущем предложении сказуемое стоит в *imperfectum*, в данном оно стоит в *praesens*. Видимо, именно поэтому уже Моммзен предполагал, что начало этого предложения первоначально читалось: *iam Jazyges...*; в этом случае все предложение должно быть переведено: «теперь же уже язиги отделяются от ароксоланов только рекой Аллютой».

и роксаланами, выслав вперед войска, он отправился в Мезию. Марция Турбона, бывшего ранее наместником Мавретании, украсив инфулами префектуры, поставил на время над Паннонией и Дакией. С царем роксалан, который жаловался на уменьшение дани, узнав, в чем дело, заключил мир». Эти военные действия имели место в 117 г.; движение сарматов и роксалан прежде всего угрожало безопасности Паннонии и Дакии, что и отмечают источники: Адриан поставил во главе этих провинций Марция Турбона, предоставив ему чрезвычайные полномочия, и после личных переговоров с царем роксалан вернулся в Рим (SHA, Hadr., VII, 3.... Romam venit Dacia Turboni credita). Марций Турбон действительно управлял Дакией в 118—119 гг.¹

Позднее Марк Аврелий разрешил язигам и роксаланам иметь сообщения через территорию Дакии, всякий раз, как наместник провинции будет давать им на это разрешение (Cass. Dio, LXXI, 19, 2). Как известно, сарматы-язиги обитали между Дунаем и Тиссой, где варварский мир вклинивался между западными границами Дакии и восточными Паннонии, т. е. у западных границ Дакии; следовательно, роксаланы, с которыми хотели сноситься язиги, должны были обитать у восточных границ Дакии.

В III в. роксаланы уже столь близко подошли к границам и Паннонии, что начали активно вмешиваться в военные узурпации, имевшие место на Дунае в это время². В 261 г. роксаланы, повидимому участвовали в узурпации наместника Верхней Паннонии Регаллиана, который, как сообщают источники, потом был убит по подстрекательству роксалан с согласия воинов и вследствие страха провинциалов (имеются в виду жители Паннонии, опасавшиеся гнева Галлиена — SHA, Trig. tyr. 10).

Наконец, есть свидетельства и от I в. н. э., дающие возможность полагать, что уже в это время роксаланы обитали в областях, примыкавших с востока непосредственно к Дакии. В известной эпитафии Плавтия Сильвана роксаланы названы рядом с бастарнами и даками (CIL, XIV, 3608): *regibus Bastarnarum et Roxolanorum filios, Dacorum fratrem³ captos aut hostibus ereptos remisit, ab aliquis eorum opsides accepit* «царям бастарнов и роксалан сыновей, (парю) даков брата, взятых в плен или вырванных у врагов, возвратил, от других из них взял заложников».

Данные надписи Плавтия Сильвана подтверждаются Тацитом, который сообщает, что конница роксалан в количестве 9000 человек вторглась в 69 г. н. э. в Мезию (Hist., I, 79 сл.).

Все эти свидетельства источников, как мне кажется, давали А. М. Ременникову возможность не включать роксалан применительно к III в. в число племен Северного Причерноморья, а локализовать их на нижнем и среднем Дунае, где они определенно засвидетельствованы в рассматриваемый автором период.

Вызывает также возражение положение автора, что герулы, обитавшие в районах Приазовья, были «союзом местных сарматских племен, возникшим в процессе борьбы с германцами и римской империей» (стр. 10). В подтверждение этой мысли автор ссылается на свидетельства Зонары и Синкелла. Однако в том месте у Зонары, на которое ссылается автор (XII, 24), сказано лишь, что Галлиен победил герулов (*Aἰρούλους*), племя скифское и готское, а у Синкелла в соответствующем месте (Chron., I, стр. 717) сообщается, что в правление Галлиена герулы (*Aἰρούλοι*), на пятистах кораблях переправившись через Меотийское озеро, переплыли Понт, захватили города Византий и Хрисополь, а затем опустошили острова Эгейского моря и берега Ахайи; после поражения герулов афинянами с помощью подкреплений, посланных Галлиеном, вождь герулов Навлобат сдался Галлиену и получил от него консульские почести.

¹ A. Stein, Die Reichsbeamten von Dacien, Budapest, 1944, стр. 14—16.

² Считают, что в III в. часть роксалан уже жила в областях современной Венгрии. См. E. S w o b o d a, Carnuntum, seine Geschichte und seine Denkmäler, Wien, 1953, стр. 211, прим. 43.

³ *fratrem* — конъектура из *fratrum*, см. M. H o f m a n n, Plautius, 47, RE, XXI, 1, 1951, стб. 38.

Из всего сказанного видно, что эти свидетельства не дают оснований для выводов, которые делает из них автор. В лучшем случае известия Зонары и Синкелла подтверждают, что герулы жили в Приазовье и что в их состав входили какие-то сарматские («скифские») элементы. Однако утверждать, что эти герулы не имеют ничего общего с германцами-герулами, как это делает автор (стр. 10), вряд ли возможно в свете известия Зонары, называющего герулов племенем не только скифским, но и готским.

Вообще процесс сложения племенных союзов у причерноморских племен, постулируемый автором для рассматриваемого периода, не доказан в достаточной мере данными источников. В III в. А. М. Ремеников насчитывает три таких союза: в Поднепровье — объединение во главе с карпами; в Поднепровье — роксоланский племенной союз; в Приазовье — герульский. Что касается объединения племен во главе с карпами, то наличие его весьма вероятно. На протяжении всего III века, вплоть до Диоклетиана включительно, карпы не только оставались наиболее упорным врагом империи, но и играли значительную роль в судьбах самого варварского мира. Это нашло отражение в более поздних свидетельствах источников (Зосим, IV, 34, называет карпо-даков союзниками гуннов), а также в том, что обширная горная система, простирающаяся к северу от нижнего и среднего Дуная, до сих пор именуется Карпатами. Но что касается роксоланского и герульского племенных союзов, то, не говоря уже о неточной локализации роксолан, источники, приведенные А. М. Ременниковым в пользу существования этих союзов не достаточны.

Автор несколько преувеличивает также степень социально-экономического развития племен Причерноморья, слишком решительно говоря о переходе от первобытно-общинного строя к классовому, хотя приведенная А. М. Ременниковым весьма ограниченная аргументация недостаточна для обоснования выдвигаемых им положений.

Не представляется убедительным и то положение автора, что уже в 232 г. в связи с уходом на восток войск Севера Александра иллирийские провинции подверглись нападению не только со стороны германских племен, но и сарматских и, в частности, язигов (стр. 20—22). Это свое мнение автор основывает преимущественно на том, что документально борьба на Дунае с сарматами-язигами засвидетельствована для времени несколько более позднего, а именно для времени Максимиана, а также на том, что в состав дунайской армии Максимиана входили vexillarii legionum Норика и Паннонии, что могло быть лишь в том случае, если вторжение, как считает автор, носило широкий характер. Однако, что касается документальных свидетельств о войне с сарматами при Максимиане, то приведенных А. М. Ременниковым надписей (стр. 21, прим. 7), являющихся милевыми столбами из Нижней Паннонии и Цизальпинской Галлии и фиксирующих лишь победные титулы Максимиана: *Germanicus, Sarmaticus et Basicus Maximus*, вовсе еще не достаточно для утверждения автора, что война с сарматами при Максимиане «... была лишь продолжением борьбы, начавшейся еще в 232—233 гг.» (стр. 21). Что же касается определения размеров сарматского вторжения и выяснения того, какие именно дунайские провинции были им захвачены, то указанные в этой связи А. М. Ременниковым надписи (стр. 25, прим. 5), во-первых, далеко не столь определено и точно датируются, как то полагает, повидимому, автор, относящий их ко времени Максимиана и не приводящий никаких оснований для такой датировки, а во-вторых, те из надписей, которые датированы их издателями, относятся лишь к войне с сарматами в Дакии, действительно имевшей место при Максимиане. Надпись *CIL, III, 5218* происходит из Норика и является надгробием солдата vexillarii legionis II Italica, павшего во время войны в Дакии — *bellum Dacicum*, как сказано в эпитафии. Эта надпись точно не датируется:¹

¹ См. В. S a r i a, Zur Geschichte der Provinz Dacien, «Strena Buliciana», Zagreb 1924, стр. 251; E. R i t t e r l i n g, Legio, XII, 2, 1925, стб. 1473.

ее относят к времени дакийской войны Максимиана и к времени Марка Аврелия, когда созданный им в 165 г. легион II Italica вошел в операционную армию, защищавшую в период Маркоманских войн дунайские провинции и Северную Италию. Другая надпись (CIL, III, 4837), происходящая также из Норика и также являющаяся надгробием солдата легиона II Italica, вообще никак определенно не датируется (E. Ritt., RE, XII, 2, 1472). И только одна надпись из Нижней Паннонии (CIL, III, 3660) датируется точно и относится к войне в Дакии при Максимиане (236—237 гг.). О том, что нападение сарматов коснулось только Дакии, свидетельствует и то обстоятельство, что в этой войне в Дакии приняли участие вексиляции паннонских легионов, а это вряд ли могло бы иметь место, если бы и Паннония испытала нападение изыгов. Позднее, в течение всего периода кризиса III века, Паннония действительно подвергается постоянным нападениям квадов и сарматов (Eutr., IX, 8, 2; Gros., VII, 22, 7).

Таким образом, приведенные А. М. Ременниковым источники дают основание определенно говорить о военных действиях на Дунае против сарматов при Максимиане лишь на территории Дакии, а поэтому можно считать, что вторжение сарматов носило довольно локальный характер. Началось это вторжение также при Максимиане и никак не раньше. В самом деле, если бы иллирийские провинции подверглись нападению придунайских и сарматских племен уже в 232 г., при Севере Александре, то в этом случае должно быть объяснено, почему же только в конце 236 г. Максимиан счел возможным покончить с опасностью, нависшей над дунайскими провинциями уже с 232 г., а этого автор не делает¹.

Все это показывает, что положение А. М. Ременникова о том, что сарматские войны на Дунае начались уже в 232 г., является весьма гипотетичным.

В то же время автор ошибается, когда говорит, что в распоряжении науки нет никаких данных о борьбе «скифов» с римлянами в период германского похода Максимиана (стр. 25). Раскопки Капидавы, задунайской крепости Нижней Мёзии, свидетельствуют, что в 235 г. она была разрушена, по видимому карпами, поскольку уже при Каракалле в 213 г. в районе Тиры имели место сражения римских войск с карпами (см. CIL, III, 14416). Остатки крепости носят следы пожара и разрушения. На какое-то время она была вообще покинута римлянами, и лишь в правление Констанция II крепость была восстановлена: в качестве строительного материала для облицовки стены был использован фрагмент посвятельной надписи в честь сына Максимиана, датируемый Г. Флореску 235 годом². Восстановленная крепость занимала теперь уже только четверть своей прежней площади. Отсутствие памятников от времени после 235 г. вплоть до 337 г. (найденная монета Констанция II носит легенду «Constantinus P(rius) F(elix) Aug(ustus)», а известно, что Константин II стал Августом в 337 г.³) дает, как мне кажется, основание считать, что нижнедунайские провинции подверглись нападению карпов уже в правление Максимиана, а не Пулиена и Бальбина, как это полагали раньше, основываясь на SHA, Max. et Balb., 16, 3—4.

Далее, А. М. Ременников не совсем прав, когда он считает, что если под Беройей в 250 г. римляне потерпели поражение, то в Дакии военные действия в это время развивались успешно (стр. 53). Это не совсем так. В Дакии имели место две военные кампании — 250 и 251 гг. и окончательный успех был одержан лишь в 251 г.: об этом сви-

¹ Титул Dacicus Maximus, так же как и Sarmaticus Maximus (CIL, III, 3735. 3736, 3740, 10649), как полагают, принят Максимианом в середине или конце 236 г., так как в надписи CIL, III, 11316, также от 236 г., он имеет еще только титул Germanicus Maximus.

² Gr. Florescu, Fouilles et recherches archéologiques à Calachioi (Capidava?) en 1924 et 1926, «Dacia», III—IV (1933), стр. 511—512.

³ Gr. Florescu, Fouilles archéologiques de Capidava, «Dacia», V—VI (1938), стр. 366.

детельствует специальный выпуск монет в Риме с легендой *Dacia Felix*¹ и титул *Dacicus Maximus*, принятый Децием в 251 г. (ILS, I, 517).

Вторжение карпов при Эмилиане в нижнедунайские провинции А. М. Ременников относит к весне 253 г. (стр. 77—78). Автор исходит из того, что если в октябре 253 г. был уже признан Валериан, а источники обычно говорят о трех месяцах правления Эмилиана, то вторжение варваров могло иметь место весной 253 г. Но, как показывает исследование Г. Маттингли, три месяца правления Эмилиана относятся только к самому Риму после того, как Эмилиан был признан сенатом. В дунайских же провинциях, так же как и в Египте, Эмилиан был признан на несколько месяцев раньше, чем в Риме. Александрийский монетный двор уже летом 252 г. чеканил монеты Эмилиана². Отсюда следует, что вторжение варваров имело место не весной 253 г., а весной 252 г. Действительно, как это указывает и А. М. Ременников (стр. 78—79), именно в результате успешного отражения вторжения варваров и раздачи обещанной им дани солдатам Эмилиан был провозглашен императором.

Представляется недоказанным мнение автора, к стати ничем не аргументированное, что иллирийско-фракийские племена, населявшие карпато-дунайский район, к III веку подверглись в значительной степени славянизации (стр. 7). Известно, что как вопрос о времени появления славян в областях карпато-дунайского бассейна и на Балканском полуострове, так и вопрос о влияниях и взаимоотношениях обитавших в этих областях племен со славянским населением прилегающих областей еще далеки от окончательного разрешения³. Поэтому, высказывая подобное мнение, автор должен был бы его аргументировать.

Не представляется удачным определение нападавших на империю в III в. племен собирательным термином «скифы» вместо прежнего и в значительной мере ошибочного наименования их готами, которое характерно для буржуазной историографии. Хотя термин «скифы» и объединяет у автора различные племена, но не всегда ясно, какие именно. Если до времени Филиппа (244—249 гг.) А. М. Ременников пытается конкретизировать эти племена (например, он выделяет карпов, алан, гепидов), то уже с правления Деция определить эти племена становится все сложнее, вследствие чего у автора везде появляются просто «скифы», причем иногда под этим термином скрывается одно определенное племя, например бораны или герулы. Между тем ошибочность и неправильность употребления термина «готы» отчасти состояла именно в том, что название одного племени покрывало собой этнически неоднородную и недифференцированную коалицию многих племен. Насколько неудачно употребление термина «скифы» без конкретного раскрытия его содержания, видно из того, что, например, в одном месте автор приписывает захват Дакии «скифам» (стр. 83—84), а в другом (стр. 83, 86) — причерноморским племенам. Между тем термин «скифы» может быть в данном случае раскрыт вполне определенно: это тайфалы, витуалы и тервинги (Eutr., VIII, 2, 2), гепиды (Iord., Get., XII, 74), карпы (Zos., IV, 34), вандалы⁴ и поселившиеся позднее в Дакии сарматы-язги⁵. Далеко не все эти племена могут быть названы причерноморскими.

Отсутствие ссылок на современные исследования лишает автора порой возможности полемики с той или иной точкой зрения. Датируя морской поход в Малую Азию 266 годом, А. М. Ременников отмечает, что среди современных авторов эта датировка вызывает разногласия (стр. 112), однако, какие именно современные авторы имеются в виду и какова их аргументация, остается неизвестным. Относительно числа стоявших на дунайской границе легионов автор (стр. 22) приводит сведения Ю. Юнга от

¹ См. F. S. Salisbury and H. Mattingly, *The reign of Traian Decius*, JRS, XIV (1924), стр. 1—2; 17—18.

² См. H. Mattingly, *The reign of Aemilian*, JRS, XXV (1935), стр. 55—58.

³ См., например, «История Болгарии», т. I, М., 1954, стр. 37—38.

⁴ N. Jorga, *Histoire de la Roumanie*, Bucarest, т. I, 1937, стр. 379.

⁵ K. Patzsch, *Banater Sarmaten*, Anz. AWW, LXII (1925), стр. 214.

1877 г., тогда как если бы он воспользовался новым исследованием Грена, это дало бы ему возможность показать также численность стоявших в дунайских провинциях войск для III века¹.

В работе имеются отдельные неточности: выражение «производительные силы припонтийского общества» не вполне удачно применительно к причерноморским племенам (стр. 11). Легионы Дакии определены как XIII и V, между тем легионы нужно называть их полным наименованием (в данном случае XIII Gemina и V Macedonia).

Все эти отдельные замечания не лишают, разумеется, работу А. М. Ременникова того значения, которое она имеет, будучи посвящена весьма интересной и относительно слабо разработанной проблеме.

Ю. К. Колосовская